

Рецензируемый сборник статей в честь П. Хараниса создан его коллегами и друзьями¹. Многие исследования известного ученого в различных областях византиноведения пользуются заслуженным признанием. Тематика представленных в сборнике статей как нельзя лучше отражает научные интересы византолога. Недаром основное ядро собранных здесь статей, и среди них исследования А. Вакалопулоса, Н. Икономидиса, А. Лайу-Томадакис, Э. Макдонелла, П. Топпинга, составляют работы по социально-экономической истории и внутренней политике византийского государства, его этнографии и демографии. Статьи Д. Джанакопоса, И. Джурича, А. Пергузи, А. Стратоса, касаясь ряда проблем внешней политики, идеологии и культуры, раскрывают скрытые стороны взаимоотношений византийцев со своими соседями. Исследования Ж. Дагрона, И. Дуйчева, Сп. Вриониса, Хр. Мальтезу, Ст. Рэнсимена по источниковедению и исторической географии дополняют результаты научных работ по указанной выше тематике. Обобщающий очерк Д. Закитиноса по истории греческого народа и его цивилизации как бы подводит итог содержанию статей сборника. В основном, как уже сказано, в них разрабатываются проблемы византийской истории, но некоторые исследования по характеру изучаемого материала выходят за ее хронологические пределы и географические границы Византии.

В статьях Ж. Дагрона и А. Стратоса изучаются белые пятна ранневизантийской истории. В первой анализируется социальный состав привилегированных слоев и аппарата управления Мопсуестии в 50—60-х годах VI в. Исследователь воспользовался материалами следствия по делу Феодора Мопсуестского и впервые публикуемой записи посвящения в честь императора Юстиниана, сохранившейся в музее Адавы. В ходе исследования обнаруживается, с одной стороны, тесное сращение светской и духовной власти, с другой — усиление полномочий военных руководителей провинции. Дагрон сближает структуру ее управления, когда ведущая роль принадлежала военачальникам, с фемной организацией, в которой важное место в административной иерархии занимал стратиг (р. 28). Однако такое сопоставление кажется неуместным, ибо фемная организация — продукт иной эпохи, эпохи с развитой тенденцией к государственному переустройству на основе феодального уклада. Период же правления Юстиниана относится к завершающему этапу разложения рабовладельческих отношений. По всей видимости, использованные документы отражают возросшее значение

военных должностей в провинции в момент обострения социально-классовых противоречий, которыми было наполнено царствование Юстиниана, и войн с Ираном.

Сообщение А. Стратоса о наиболее драматическом и до сих пор неясном эпизоде противоборства византийского и арабского флотов — сражении при Фениксе в середине VII в. — проблематично. Рассказ об истории развертывания военного флота и первых боевых действиях арабов на море восстанавливает предысторию этой битвы и позволяет исследователю с более или менее оправданными допущениями определить численный состав ее участников. Стратос выдвигает собственную версию событий, имевших место при Фениксе, оговаривая сразу, что она строится на недоказуемой пока цепи логических заключений. По его мнению и вопреки утвердившейся традиции, византийский флот смог одержать победу над арабским. Но внутренняя распря между византийцами свела на нет ее итог. Как бы то ни было, критический разбор обстоятельств столкновения византийского и арабского флотов помогает выявить не только противоречия источников, но и указать на их десятилетнее умолчание об арабском флоте именно после предполагаемого поражения византийцев (р. 242).

Исследования поздневизантийского общества включают, как это и следовало предполагать, наиболее богатые и содержательные материалы. И здесь в числе первых следует обратиться к статьям Н. Икономидиса о земельной собственности византийской провинциальной знати в XIV—XV вв. и А. Лайу-Томадакис «Святые и общество в поздней Византийской империи».

Исследование Н. Икономидиса — это очерк истории знатной фессалоникской семьи, вероятно, сербского происхождения, представители которой стали прониарами византийских государей. Конкретно-историческое исследование здесь сочетается с теоретическими обобщениями относительно характера византийских феодальных институтов. Икономидис, как, впрочем, и П. Харанис, придерживается мнения о том, что смысл пронии заключается в пожаловании в первую очередь налога или других видов доходов в форме посотиса. Логика его исследования требует разграничить пронию от экскуссии, по его словам, налоговой экзекуции: во-первых, прония связана с условиями выполнения служб, экскуссия — нет; во-вторых, получатель пронии обязательно являлся собственником облагаемых имуществ, тогда как налоговая экзекуция всегда жаловалась собственнику имуществ. И наконец, подчеркивается, что прониар отнюдь не тождествен аллодиальному собственнику (р. 178). В данном случае приведенное рассуждение потребовалось затем, чтобы показать на примере семьи Деблицинов,

¹ Учениками П. Хараниса ему посвящается также специальный выпуск «Byzantine Studies» (vol. 6, 1979), где помещен список его работ (р. 13—25).

что аллодиальный собственник и пропийар могут выступать в одном лице (р. 179).

Оставив в стороне факт необоснованного использования в анализируемой ситуации выражения «аллодиальный собственник» (allodial owner), можно допустить правомерность высказанных утверждений, но лишь в той мере, в которой в поздней Византии обнаруживается тенденция к превращению условных видов собственности в безусловные². Иначе говоря, на примере семьи Деблицинов можно наблюдать формирование полной собственности путем метаморфозы условного держания. Вместе с тем суждение Икономидиса о пропии и экскусии проблематично. Здесь нет необходимости развешивать полемикку: характер как пропии, так и экскусии в поздневизантийское время достаточно полно освещен в специальной литературе. Но поскольку в интерпретации греческого ученого утрирована фискальная значимость и тем самым искажена сложная социально-экономическая природа важнейших институтов феодального общества, постольку его представления о них вызывают возражение. Наблюдения над изменением имущественного состояния семьи Деблицинов, а также Андрея Палеолога предоставили исследователю возможность воссоздать картину внутривизантийских отношений в стране после битвы на р. Марица, оценить расстановку сил внутри господствующего класса в момент наивысшей турецкой опасности и лавирование византийского правительства. Упадок производительных сил способствовал обострению противоречий между двумя группами господствующего класса — духовными и светскими землевладельцами. Тогда как сербское и турецкое завоевания вели к стагнации имущественного положения светской провинциальной знати, монастыри, сохранявшие свое привилегированное положение, обогащались. Словом, очерк Икономидиса по своему характеру и направлению исследования продолжает традицию, заложенную Г. А. Острогорским.

И в исследовании А. Лау-Томадакис активность византийской церкви в XIII—XV вв. рассматривается на широком фоне социально-экономических и политических перемен, происходивших в этот период в византийском обществе. Вопрос об уни церкви и исихастское движение стимулировали деятельность представителей церкви, многие из которых были впоследствии канонизированы. Жития святых, написанные в это время, редко использовались в работах историков. Но, по мнению Лау-Томадакис, они предоставляют ценную и достаточно точную информацию об условиях жизни, позволяя проникнуть в недра византийского общества. Анализ 16 житий святых включает систематизацию сведений о демографии ряда аристократических и за-

житочных семей. Жития содержат материалы о социальной структуре византийского общества и его экономике, о роли церкви, простирающей свое влияние на политическую, социальную и идеологическую сферы общественной жизни. Они побуждают свидетельствами об общеполитической ситуации в Византии. Многие наблюдения, сделанные в процессе исследования, хорошо согласуются с результатами работ других историков и позволяют расширить аргументацию для утверждения об ослаблении вертикальной подвижности в поздневизантийском обществе, о значительном ухудшении внутривизантийского положения и обострении хронического экономического кризиса во второй половине XIV в., о развитии классового самосознания у представителей аристократии. В частности, показательны сведения о применении наемного труда при выполнении сельскохозяйственных работ и статусе стратиотов, положение которых не свидетельствует об их принадлежности к привилегированному слою общества (р. 99). Даже учитывая заявление Лау-Томадакис о том, что данные житий святых подтверждают материалы другого рода источников, нельзя отрицать того, что отсутствие анализа жанровых особенностей житийной литературы ослабляет ее критическое восприятие. Так, сведения о долголетию святых, ранней смерти их родителей трактуются как результат некой произвольной селекции и естественного отбора (р. 89—90). В целом же работа Лау-Томадакис является убедительным примером правомерности использования материалов поздневизантийской житийной литературы при надлежащем ее критическом осмыслении в исторических исследованиях.

Исследования П. Топпинга и А. Вакалопулоса содержат новые факты, восполняющие пробелы недостаточно изученных этнодемографических процессов в поздней Византии. Эпидемии чумы, феодальные войны, завоевания турок приводили к депопуляции обширных пространств Балканского полуострова. На опустошенные территории проникли из внутренних районов полуострова номады албанцы. Американский ученый П. Топпинг изучает на материале венецианских документов XIV—XV вв. условия поселения во владениях коммуны в южной части Греции (Пелопоннесе и прилегающих островах) албанских племен. В обзоре удачно отражено соперничество глав венецианских колоний и их соседей стремившихся привлечь албанцев в свои владения и тем самым ликвидировать последствия происшедших опустошений. Не только ратное искусство албанских воинов, используемых на сторожевой службе, но и их главное богатство — многочисленные стада — способствовало процветанию колоний. Основным занятием албанского населения продолжало оставаться скотоводство, сопровождающееся сезонными миграциями, которые обуславливались организацией выпаса скота. Поэтому отсутствие замечаний со-

² Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, с. 223.

стороны исследователя о нарушениях системы сезонных миграций при переселении пастухов в прибрежные районы Пелопоннеса и на острова (например, Эвбею) затрудняет понимание процессов, ведущих к изменению образа жизни албанских поселенцев. Вместе с тем характер льгот, предоставляемых албанским колонистам, неопровержимо свидетельствует об усиливавшейся среди них тенденции к оседлости. Некоторые из албанских поселенцев были способны уплачивать взыскиваемые налоги зерном (р. 266).

А. Вакалопулос, расставляющий первые вехи в исследовании процесса миграции греческого населения из приморских районов континентальной Греции на острова в XIV—XV вв., предлагает молодым исследователям продолжить изучение этого явления. Переселение греков на острова Эгейского моря, Крит и Мани в этот период вызвано турецкими завоеваниями на Европейском континенте. Греческий исследователь выясняет основные направления миграции, начавшейся во второй половине XIV в. Уже в это время на некоторых островах появились выходцы из Халкидики. Новые волны переселений связаны с осадой Константинополя и Фессалоник в 90-х годах XIV в. и во втором десятилетии XV в. Наиболее мощный поток беженцев возник после падения Константинополя. Острова служили пристанищем также для мигрантов из Понта. Вакалопулос не только приводит сведения о миграциях населения, но и касается условий поселения беженцев в новых местах обитания, где они порою влачили жалкое существование и подвергались нападениям пиратов. Многие переселенцы, стремясь обеспечить себе относительную безопасность, предпочитали селиться в венецианских и франкских владениях. Таким образом, и Топшинг, и Вакалопулос не только раскрывают характер этнодемографических изменений в последний период существования византийского государства, но и ставят вопрос о роли колониальных владений его западноевропейских партнеров в процессе миграции населения.

Большинство исследований, вошедших в сборник, как это видно на примере рассмотренных статей, нацелены на изучение тематически определенного круга источников. Их отличает глубокий и целенаправленный анализ материалов изучаемых источников, последовательная и обоснованная интерпретация заложенной в них информации, правомерное обобщение результатов исследования. К числу таких исследований можно отнести работу И. Джурича о титулатуре правителей Второго болгарского царства, сообщение И. Дуйчева о Момевасийской хронике, очерк истории анконской колонии в Константинополе А. Пертузи, новое прочтение двух писем константинопольского патриарха Афанасия I и другие материалы, включенные в сборник.

Как известно, уровень и результативность исследования в большой степени предопределяются правомерностью при-

менения тех или иных приемов и методов исследования. И в этой связи хотелось бы отметить тенденцию, проявляющуюся у некоторых исследователей, обосновывать интерпретацию исторических явлений при помощи ссылок на современные социопсихологические концепции. Со всей очевидностью эта тенденция обнаруживается в работе Д. Константелоса о термине *ψωτερικοί* в Шестикнижии Константина Арменупула. Его исследование начинается с воспроизведения упоминания о *ψωτερικοί* в Шестикнижии и указания на заимствование этого постановления из Прохирона (IX в.). Ответ на вопрос о значении термина и его производных форм автор ищет в разноплановых по жанру (исторических, философских, религиозных и юридических произведениях) и времени возникновения (от V в. до н. э. до XIV в. н. э.) образцах греческой литературы, отражавших проведение большей частью нежелательных социальных, политических и религиозных перемен в жизни общества. Константелос пытается доказать, что Константин Арменупол, обозначивший, по предположению исследователя, термином *ψωτερικοί* фессалоникских зилотов, наследовал интеллектуальную традицию «древней и средневековой эллинистической мысли» (р. 9). Затем резкий поворот в процессе исследования улекает византиниста от изучения конкретно-исторических реалий к умозрительным рассуждениям о «глоссологическом континуитете между античным и средневековым эллинизмом и стремлении к сохранению прошлого». Разумеется, требуется обоснование теоретического характера. И оно было найдено в доктрине Сепира—Уорфа. Учение Сепира—Уорфа, получившее широкое распространение в западной психолингвистике, известно под именем «гипотезы лингвистической относительности». Суть его состоит в представлении, что вся культура данного народа или народов, говорящих на языках, сходных по структуре, их цивилизация детерминированы именно характером языка³.

Константелос подробно излагает постулаты этого учения. И пространное изъяснение об уважении и восхищении византийцев классическим наследием, их страхе перед новациями сменяется утверждением о том, что человеческие ценности, эмоции и другие проявления человеческой природы, в том числе язык, остаются неизменными в исторической жизни народа. Следуя трюизму западной социологии в том, что народ и национальность являются продуктом общности

³ Учение Сепира—Уорфа критически рассматривается советскими психологами, которые отвергают обоснованность выводов о мировоззренческой ценности гипотезы. См.: Брутян Г. А. Гипотеза Сепира—Уорфа. Ереван, 1968; Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974; Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 220 сл.

языка, религии, традиций и особенно самосознания, исследователь настаивает на полной приложимости использованной им социологической концепции к историческому прошлому греческого народа (р. 10—14). В заключение Константелос заявляет о том, что лингвистический анализ термина *υετερικой* демонстрирует непрерывный континуитет «греческого духа» (р. 14—15). При этом, правда, внутренняя логика исследования исчерпывается тезис, выдвинутый для оправдания априорного отождествления значений указанного термина в античной и византийской литературе уже в ходе исследования, весьма неожиданно становится его завершением.

Также не избежал чрезмерной увлеченности одной из концепций современной социопсихологии в обобщающем очерке истории греческого народа Д. Закитинос. Акцентируя внимание на основных этапах формирования греческой народности, историк стремится установить ее отличительные черты. Само по себе подобное желание не является предосудительным, если оно служит объективному объяснению сложного исторического процесса. Но Закитинос руководствуется «рецептом» французского академика А. Зифрида и по аналогии с его высказыванием формулирует тезис о том, что «в психологии греков существует постоянная субструктура, которая всегда может быть прослежена». В качестве же этой пресловутой субструктуры, по мнению ученого, выступает всеобъемлющий эллинизм (р. 325).

О некоторых аспектах подхода к исследованию арабо-византийских отношений X—XI вв. в современной зарубежной историографии

В основу настоящего обзора положены три исследования: одно из них принадлежит перу австрийского византиниста В. Феликса («Византия и исламский мир в начале XI в.»)¹, другое — арабскому ученому А. Шбулу («Ал-Масуди и его мир. Мусульманский гуманист и его немусульманские интересы»)², третье — западногерманскому византинисту Э. Траппу («Существовал ли византийский перевод Корана?»)³. При всем различии конкретных исследовательских задач, решаемых авторами, эти работы в своей совокупности дают довольно наглядное представление о современном состоянии и уровне изучения арабо-византийских отношений в X—XI вв., об исследовательских методах, постановке вопроса, достигнутых результатах и т. п.

Как известно, начало разработки проблематики, связанной с этой темой, относится ко второй половине XIX в. и свя-

Итак, неоправданное применение социопсихологических схем лишает исследование перспективы, поскольку ограничивает его в заранее известных пределах. Схематизирование уводит исследователей от конкретно-исторических изысканий в область софистических построений. И это не случайно. Психологизация исторических процессов и явлений, суть которой состоит в идеалистическом понимании общества, заставляет исследователя подменять факторы, реально детерминирующие общественные явления, их психологическими следствиями. В рассмотренных выше исследованиях Константелоса и Закитиноса картина реальных общественных отношений, сформированных в результате накопления и усвоения человеческого опыта, заменяется признанием квази-континуитета и мифическими субструктурами — носителями неизменных коллективных представлений, адсорбирующими самосознание народности.

К счастью, в сборнике статей, посвященном П. Харанису, увлечение «социопсихологическими экспериментами» осталось редкостным исключением и не служит преградой для общего благоприятного впечатления, оставляемого работами более полутора десятка исследователей. Научная значимость их трудов, безусловно, стяжает добрую репутацию сборнику,носящему имя известного византиниста.

Ю. Я. Вин

зано с именами видных историков — как русских арабистов и византинистов (В. Р. Розена, А. А. Васильева, И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда), так и зарубежных (М. Амари, Л. Шейхо, Э. Ниса, М. Штейншнейдера). Главным итогом исследований XIX—начала XX в. было введение в научный оборот ряда публикаций арабских текстов (в том числе частей арабо-византийской хроники Яхьи Антиохийского — Крачковский — Васильев)⁴, систематизация известий арабских авторов о Византии (Васильев — Розен)⁵, написание обзоров по христианской арабской литературе, представители которой испытали довольно сильное влияние византийской культуры (Граф, Брокельман)⁶.

Поиск фактов и стремление показать, «как это в действительности было»

⁴ Jahja b. Sa'id / Ed. I. Kratschkovskij et A. A. Vasiliev. — PO, 1924, 18, p. 699—833; 1932, 23, p. 347—520.

⁵ См. теперь: Vasiliev A. A. Byzance et les arabes. Bruxelles, 1935—1968; Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

⁶ Graf G. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Vatikanstadt., 1944, 1947, 1949, 1951; Brockelmann C. Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1909.

¹ Felix W. Byzanz und die islamische Welt. Wien, 1981 (Byzantina Vindobonensia, XIV).

² Shboull A. Al Mas'udi and his World. L., 1979.

³ Trapp E. Gab es eine byzantinische Koranübersetzung? — *Διατρυχα*, 1980—1981, 2, с. 7—17.